

DOI 10.15826/izv2.2022.24.4.069

УДК 94(470)“1730” + 94(470.5)“1730” +
+ 005.93(470.5)“17”**Е. В. Бородина***Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР КАНЦЕЛЯРИЙ ЕКАТЕРИНБУРГА В СЕРЕДИНЕ 1730-х гг. (на примере обстановки помещений Сибирского обер-бергамта)

Статья посвящена изучению материального мира канцелярии Сибирского обер-бергамта в 1730-е гг. Ее целью было провести реконструкцию обстановки и внешнего вида здания, чтобы понять, в каких условиях проходила работа членов присутствия и делопроизводителей органа управления, а также выяснить, что видели рядовые обыватели, приходившие в учреждение по тому или иному вопросу. Анализ монографий и статей, посвященных рассматриваемой проблематике, позволил сделать вывод, что исследования подобного рода практически отсутствуют. Чаще всего описания административных зданий приводятся в трудах по истории архитектуры и строительства, реже — в работах, характеризующих деятельность отдельных органов власти или сохранившиеся до наших дней образцы сооружений и их помещений. Исследование было проведено с опорой на методы классического источниковедения. Источниковую базу работы составили документальные материалы, отложившиеся в результате деятельности Сибирского обер-бергамта и ряда других региональных канцелярий. В первую очередь это так называемые «рописные списки», составлявшиеся при передаче территории или отдельно взятых органов суда и/или управления от одного руководителя к другому. В результате анализа источников и историографии автор пришел к выводу, что обстановка Сибирского обер-бергамта в наибольшей степени соответствовала требованиям к оснащению помещений государственных структур, сформулированных в главах Генерального регламента 1720 г. В отличие от многих воеводских канцелярий на местах, здание Сибирского обер-бергамта возводилось по образцам и технологиям, использовавшимся при строительстве Санкт-Петербурга. Несмотря на это, в его обстановке сочетались как «традиционные» элементы убранства приказов и съезжих изб XVII в. (иконы, скамьи вместо стульев, сундуки для хранения документов), так и новшества (зеркала и часы).

Ключевые слова: история России; Российская империя; история Урала; Екатеринбург; Сибирский обер-бергамт; канцелярия; Генеральный регламент

Благодарности

Исследование подготовлено в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

Цитирование: *Бородина Е. В.* Материальный мир канцелярий Екатеринбург в середине 1730-х гг. (на примере обстановки помещений Сибирского

обер-бергамта) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 145–159. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.069>

Поступила в редакцию: 10.06.2022

Принята к печати: 21.10.2022

Elena V. Borodina
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

**MATERIAL WORLD OF EKATERINBURG OFFICES
IN THE MID-1730s
(with Reference to the Premises of the Siberian Oberbergamt)**

This article studies the material world of the office of the Siberian Oberbergamt in the 1730s. It aims to reconstruct the interior and decoration of the building to understand the conditions in which the clerks of the authority were working, as well as to find out what ordinary people who came to the institution on a particular issue saw. The analysis of monographs and articles devoted to the problem under consideration makes it possible to conclude that there are practically no studies of this kind. More often, descriptions of administrative buildings can be found in works on the history of architecture and construction, less often one can see them in works characterising the activities of the authorities or extant buildings of government bodies. The study is based on the methods of classical primary source studies. The author refers to such primary sources as documentary materials resulting from the activities of the Siberian Regional Office and several other regional offices. First, these are inventories which were compiled when the territory or bodies of the court and/or administration were transferred from one head to another. As a result of the analysis of primary sources and historiography, the author concludes that the furniture and appearance of the Siberian Oberbergamt corresponded to the requirements for equipping the premises of state structures formulated in the General Regulations (1720). Unlike many voivodeship offices, the building of the Siberian Oberbergamt was constructed according to the samples and technologies used in St Petersburg. Despite this, its furnishings combined both the “traditional” elements of the decoration of central and regional administrative bodies of the seventeenth century (icons, benches instead of chairs, chests for storing documents) and innovations (mirrors and clocks).

Key words: Russian history; Russian Empire; history of the Urals; Ekaterinburg; Siberian Oberbergamt; Chancellery; General Regulations

Acknowledgements

The study was prepared within the framework of scholarly project 20-18-00233 “Ekaterinburg in 1733: Historical, Anthropological, Architectural, and Spatial Reconstruction” supported by the *Russian Science Foundation*.

For citation: Borodina, E. V. (2022). Material'nyi mir kantseliarii Ekaterinburga v seredine 1730-kh gg. (na primere obstanovki pomeshchenii Sibirskogo ober-bergamta)

[Material World of Ekaterinburg Offices in the Mid-1730s (with Reference to the Premises of the Siberian Oberbergamt)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(4), 145–159. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.069>

Submitted: 10.06.2022

Accepted: 21.10.2022

В русской истории XVIII в. поселения городского типа часто являлись в первую очередь административными центрами, а уже потом выполняли другие функции. Об этом свидетельствует традиция создания сметных и «росписных» списков населенных пунктов при передаче города с уездом от одного местного администратора к другому, которая прослеживается по источникам как минимум с рубежа XVI–XVII вв. [АСЗ, т. 3, с. 230, 321]. Исследование данной группы документов следует считать перспективным, так как часто они содержат ценные описания не только основных построек и припасов, но и включают сведения об обстановке канцелярий органов власти. Последнее обстоятельство позволяет приблизиться к пониманию того, в каких условиях происходила повседневная жизнь служащих государственных учреждений, что могло оказать влияние на принятие того или иного решения и воздействовать на эффективность функционирования властных институтов, выяснить, что видели местные жители, по той или иной причине попадавшие в стены региональных структур.

Особенно важным оказывается изучение внешнего вида и внутреннего убранства помещений, в которых размещались центральные и региональные органы управления и суда, созданные в годы правления Петра I. В период царствования первого российского императора произошло законодательное оформление требований к оснащению мест приема просителей и комнат, где трудились делопроизводители. Кроме того, конец XVII — первая четверть XVIII в. стали временем активной перестройки и возведения новых административных зданий как в центре, так и в удаленных уголках страны [Луппов, с. 30; Масиель Санчес, с. 144–145].

При этом материальный мир канцелярий государственных учреждений петровского и послепетровского времени представляется недостаточно изученным. В первую очередь эта проблематика вызывает интерес у ученых, занятых реконструкцией и музеефикацией объектов историко-культурного значения. В частности, значительное количество работ посвящено вопросам восстановления внешнего и внутреннего облика приказных палат, построенных в конце XVII в. в Пскове. Среди них — исследования Ю. П. Спегальского [Спегальский, с. 106–108], К. М. Плоткина [Плоткин], О. В. Емелиной и Л. Е. Изотовой [Емелина, Изотова].

Строения и помещения приказов московского Кремля и прилегающих к нему территорий изучены историками и археологами в меньшей степени [Бакланова; Макаров, Коваль, Модин и др.]. Так, исследованию вещного мира делопроизводителей Разрядного приказа в XVII в. посвящено несколько глав в монографии

О. В. Новохатко [Новохатко, с. 414–542]. Е. В. Акельев дал характеристику зданий Сыскного приказа 1730-х гг. [Акельев, с. 22–24]. Данное обстоятельство обусловлено как степенью сохранности строений, так и полнотой источниковой базы, необходимой для полноценных реконструкций такого рода.

То же можно сказать и о других зданиях, где размещались органы управления и суда на местах во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Чаще всего информацию о них можно найти на сайтах краеведческих и историко-архитектурных музеев, представленных в виде коротких справок, реже — в трудах по истории архитектуры и строительства, а также в работах по истории застройки отдельно взятых населенных пунктов [Луппов, с. 30; Полунина, с. 14–25; Самырова]. Кроме того, отдельные элементы внутреннего убранства центральных и региональных канцелярий рассматривались в трудах Л. Н. Писарьковой, Л. Хьюз, Л. М. Балакиревой и ряда других ученых.

Так, например, Л. Н. Писарькова в одной из своих статей специально остановилась на характеристике помещений и служебного быта органов управления во второй половине XVII — первой половине XIX в. Ученому в большей степени удалось рассмотреть условия службы в государственных структурах второй половины XVII в. В то же время период преобразований Петра I и первые годы после его смерти были проанализированы с меньшей степенью полноты. Она лишь отметила, что «в Петербурге служащие коллегий находились в худших условиях, чем в Москве, так как строительство специального здания Двенадцати коллегий закончилось в 1740-е годы» [Писарькова].

Схожие наблюдения содержатся в монографии Л. М. Балакиревой, посвященной первым годам существования Юстиц-коллегии. Историк реконструировала условия работы делопроизводителей этого органа власти в ситуации перестройки и последующего ремонта мазанкового здания Сената, где с конца 1710-х гг. размещались коллегии [Балакирева, с. 124–128]. В то же время обе исследовательницы не упомянули о роли, которую играли нормы Генерального регламента в вопросе оснащения канцелярий новых учреждений. Лишь Л. Хьюз отметила, что положения нормативного акта содержали требования к обстановке помещений, в которых заседали члены присутствия и находилась канцелярия [Hughes, p. 109].

Элементы реконструкции устройства региональных органов власти, существовавших в годы правления Петра Великого и после его смерти, также содержатся в трудах Ю. В. Готье, Е. В. Бородиной и некоторых других ученых [Готье, с. 166–176; Бородина, с. 198–200]. Анализ историографии вопроса показывает, что описания обстановки в канцеляриях допетровского и петровского времени так или иначе представлены в исследованиях. В то же время труды, в которых была бы поставлена цель понять, соблюдались ли требования к помещениям органов власти после кончины первого российского императора, являются редкостью.

Цель настоящей статьи — произвести реконструкцию внутреннего убранства канцелярии Сибирского обер-бергамта середины 1730-х гг. Этот орган власти

был создан в период преобразований Петра I для управления горнозаводской промышленностью. На примере сдаточной описи 1734 г. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, т. 1], составленной в Екатеринбурге в период передачи руководства уральскими заводами от В. де Геннина В. Н. Татищеву, обратимся к изучению обстановки административно-судебных структур Российской империи первой трети XVIII в. Для этого, во-первых, дадим характеристику данной разновидности документов учетного характера, во-вторых, рассмотрим требования к оснащению канцелярии, содержащиеся в Генеральном регламенте, в-третьих, проведем содержательный анализ описи.

Традиция составления сдаточной описи и эволюция ее формуляра

Как уже было отмечено выше, к началу XVIII в. составление сдаточных описей являлось обычной практикой, которая в 1728 г. была закреплена законом общеимперского значения. Инструкция губернаторам и воеводам 1728 г. указывала, что губернатор или воевода не может уехать из города — административного центра, пока не передаст своему сменщику «росписной список» с описанием городских укреплений и внутренней обстановки канцелярий, списком служилых людей, характеристикой содержимого казны и всей наличной документации [ПСЗРИ, т. 8, № 5333, с. 95–96]. Тем не менее, в фондах государственных учреждений, хранящихся в федеральных и региональных архивах, источники такого рода являются редкостью, что обусловлено как плохой сохранностью дел, так и сложностью их выявления.

Несмотря на схожесть содержания, такие документы, как правило, имеют различия в структуре описаний. Нормативные акты, посвященные определению правил их создания, на данный момент не выявлены. Инструкция губернаторам и воеводам 1728 г. лишь в общих чертах установила перечень того, что подлежало обязательному занесению в «росписной список».

Сдаточные описи, составленные до 1728 г., как правило, включали в себя лишь характеристику канцелярии, базовых документов делопроизводства и наличного состава канцелярских служащих. Так, например, «счетная выписка» с описанием материальных ценностей и документов Тюменской судебной канцелярии, составленная в декабре 1727 г. для передачи дел воеводе, представляет собой текстовый документ, не разделенный на столбцы и графы [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 4917, л. 4–7 об.]. Текст написан с обеих сторон листа и открывается преамбулой, содержащей сведения о том, кому, кем и по какой причине передаются дела. Каждый смысловой блок описи (например, перечень документов, составленных в канцелярии за один год) разделен большим расстоянием между строками. Сдаточная опись скреплена руками тюменского воеводы полковника Д. Угримова и последнего судебного комиссара С. Иванова.

Примерно так же выглядит «росписной список», составленный в 1741 г. при передаче управления Сургутом от воеводы майора М. Миклашевского «управляющему за воеводу» тобольскому дворянину Е. Денисову [РГАДА, ф. 800,

оп. 1, д. 29]. Единственным его отличием является включение в опись регистра входящих документов, поступивших в воеводскую канцелярию за весь период воеводства майора.

Напротив, «росписной список», составленный для передачи дел от В. де Геннина В. Н. Татищеву в Екатеринбурге 1734 г., организован в виде таблицы [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, т. 1, л. 10 об.–11]. В частности, описание зданий и их внутреннего убранства представляет таблицу из трех колонок, где первая — «В котором году что построено», вторая — «Звание строению», третья — «По свидетельству». Если в первые две колонки составители таблицы исправно заносили данные, то третья, как правило, оставалась пустой. Во второй колонке размещалось основное описание строения.

Сопоставление сдаточной описи 1734 г. и других имеющихся в нашем распоряжении «росписных списков» позволяет говорить о разных подходах, использовавшихся при их создании. Как правило, описи почти не содержат полных сведений об административных постройках и убранстве в них, обращая внимание только на самые ценные объекты в помещениях. Кроме того, в описях такого рода уделяется много внимания перечислению состава содержащихся в канцелярии законодательных актов и отчетных документов, передававшихся от одного должностного лица другому.

Екатеринбургские делопроизводители, напротив, включили в документ подробную характеристику самих зданий и их внутренней обстановки. По-видимому, прилежание канцеляристов в работе с описью было связано с особенностями экономической организации и управленческой структуры региона, где основную роль играл Сибирский обер-бергамт, отвечавший за управление промышленным производством на территории Поволжья, Урала и Сибири. Внимание к каждой детали было обусловлено необходимостью финансовой отчетности перед вышестоящими учреждениями и учета населения, трудившегося на заводах Екатеринбургской крепости. По этой причине мы можем составить более точное представление о том, как работали канцелярские служители, и что видели люди, попадавшие по тому или иному вопросу в Обер-бергамт.

Нормы Генерального регламента об устройстве канцелярий

Наряду с официально назначенными в регион управляющими и делопроизводителями, здания любой канцелярии были символами господства монарха в губернии или уезде. Находившиеся в помещении материальные объекты осуществляли невербальную коммуникацию от имени власти с региональными сообществами. Возможно, по этой причине в Генеральный регламент были включены нормы, содержавшие требования к убранству и обстановке государственных учреждений.

Эти нормы рассеяны по разным главам законодательного акта. Так, например, глава XXIII «О каморе аудиенции (или судейского правления)» дает описание помещения, в котором члены присутствия решали разнообразные вопросы

и принимали челобитчиков [Генеральный регламент, с. 110–111]. Кроме того, глава XVII «О секретаре и особливой каморе президентов» отмечает необходимость иметь «при коллежской судейской» «особливую камору» для президентов коллегий [Там же, с. 108]. Наряду с этими комнатами в главах XXI «О вхождении и разговорах в коллегии» и XLVII «О состоянии прихожей каморы» упоминаются помещения, где посетителям следовало ожидать входа в «камору аудиенции» [Там же, с. 110, 120–121]. Норма главы XL «О определении в канцеляриях» предписывает создавать для канцелярских служителей специально отведенные для их работы канцелярии и конторы [Там же, с. 117–118].

Таким образом, Генеральный регламент утвердил принцип раздельного размещения членов присутствия и делопроизводителей органов управления. Фактически он закрепил практики пространственной организации разнообразных ведомств, пришедшие в XVIII в. из предыдущего столетия. Наряду с этим в законодательном акте нашлось место для нововведений. В частности, провозглашается норма о создании помещения для архива (глава XLIV) [Там же, с. 119].

Регламент установил требования к обстановке комнат учреждений. Камору аудиенции следовало убирать «добрыми коврами» и «стулами». Поставленный посреди каморы стол для членов присутствия предписывалось покрывать сукном и оснащать чернильницей и иными письменными принадлежностями. Над ним вешался специальный балдахин. Справа от стола членов присутствия ставился стол секретаря, а слева — стол нотариуса. На стене каморы аудиенции указывалось крепить часы. Они стали новым, но важным элементом в убранстве административных помещений (глава XXIII) [Там же, с. 110–111; Hughes, p. 109].

В канцеляриях и конторах было необходимо размещать покрытые сукном столы, имевшие ящики с замками. Согласно Регламенту, секретарю и делопроизводителям предписывалось иметь отдельные рабочие места в канцелярии. Правда, «ежели место тесно», канцелярские служители могли сидеть «по два при одном ящике» (глава XL) [Генеральный регламент, с. 117–118].

В коллегиях предполагалось наличие двух «прихожих камор»: для «знатных» и «подлых» людей. Вдоль стен комнат ожидания следовало поставить лавки. В «прихожей каморе» для знатных лиц их требовалось обивать сукном (глава XLVII) [Там же, с. 120–121]. Закон запрещал производить наказание в этих помещениях, для этого существовали специальные публичные места.

Требования к организации пространства и убранству помещений коллегий, изложенные в Генеральном регламенте, были распространены и на другие учреждения. Не случайно этот документ входил в круг обязательного чтения всех государственных служащих. Тем не менее, возможности, связанные со строительством административных зданий с соответствующим количеством комнат и оснащением их необходимой мебелью, различались в зависимости от региона.

Здание и обстановка помещений Сибирского обер-бергамта 1720–1730-х гг. в сравнительно-исторической перспективе

В отличие от многих других административно-судебных органов в региональных центрах, Сибирский обер-бергамт размещался в мазанковом здании, построенном из дерева, глины и кирпича в 1723–1724 гг. Его стены были выбелены известью, а «столбы у дверей и у окон наливники высмолены с вохрою» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, т. 1, л. 20]. Помещения для Сибирского обер-бергамта были созданы по образцу сооружений, построенных в Санкт-Петербурге. В частности, в 1710-х — начале 1720-х гг. на Троицкой площади столицы было воздвигнуто мазанковое строение Сената, которое впоследствии стало местом размещения коллегий [Луппов, с. 30; Балакирева, с. 126–128].

Объем здания Обер-бергамта был поделен на шесть «камор»: «обер-бергамтскую судейскую», «повытье обер-бергамтское», помещение для «горного, земского, судных и розыскных дел, заводского, лесного и крепостного повытий», казенную и счетную каморы и приемную палату [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, т. 1, л. 20–24]. Во дворе также находились каменное помещение архива и казны, здание тюрьмы и мазанковая лаборатория. Все постройки и двор были покрыты тесовой крышей [Там же, л. 24 об.–26].

По данным Ю. В. Готье, в большинстве «старых» административных центров России помещения для губернских и провинциальных учреждений никак не изменились по сравнению с предыдущим столетием [Готье, с. 167]. Согласно п. 48 Инструкции воеводам и губернаторам (1728), канцелярии следовало размещать в «приказных избах». На деле большая часть зданий обветшала и требовала ремонта. Деревянные конструкции гнили и нуждались в перестройке [ПСЗРИ, т. 8, № 5333, с. 111; Готье, с. 168].

В некоторых случаях планы ремонта комплекса административных зданий обсуждались и реализовывались годами. Так, например, произошло во Владимире, где в 1721 г. началось строительство воеводского двора, канцелярии и тюрьмы по проекту, одобренному Московской губернской канцелярией. Новое здание канцелярии следовало поделить на четыре «светлицы»: судейскую, каморы для делопроизводителей и комиссаров, занимавшихся подушным сбором, помещение для караульных солдат и колодников. В одной светлице планировалось устроить чулан для продажи гербовой бумаги. Стройка не была завершена и после смерти первого российского императора [Готье, с. 169–170].

Как правило, все сооружения, где размещались органы управления, были деревянными. К административным каморам нередко пристраивались сени, в которых ожидали своей очереди посетители. Кроме того, к ним прирубались чуланы, использовавшиеся для разнообразных нужд. В чуланах и подклетьях зданий обычно размещали архивы, кладовые и застенки [Там же, с. 171].

Каменные здания местных органов управления и суда являлись скорее исключением из правил. Чаще их можно было встретить в крупных губернских и провинциальных центрах, в особенности тех из них, которые находились

на приграничных территориях и наряду с задачами общего управления имели представительские функции, а также использовались для хранения государственной казны. В большинстве случаев эти каменные постройки были возведены либо в конце XVII в., как, например, «приказная изба» в Соликамске, приказные палаты во Пскове, либо по особому распоряжению Петра I в 1700–1725 гг. (административные здания Тобольска, Иркутска, Якутска, Енисейска) [Полунина, с. 126; Дом воеводы в Соликамске].

Административные постройки из камня были как одноэтажными, так и двухэтажными. Многие из них отстраивались по образцам XVII в. Тем не менее, в их архитектуре могли сочетаться черты древнерусского стиля и петровского барокко [Емелина, Изотова, с. 10; Полунина, с. 126; Копылова, с. 30–31].

Таким образом, внутренне устройство деревянных и каменных построек административных сооружений в целом отвечало требованиям к организации пространства в органах управления, описанных в Генеральном регламенте. Однако их внешний вид далеко не всегда соответствовал явно не провозглашенному в Регламенте намерению императора возвести здания государственных учреждений, основываясь на образцах западноевропейского зодчества. Такие постройки были возможны преимущественно в новых центрах управления, которые не были тесно связаны с административными традициями предыдущих столетий. Ими стали, во-первых, Санкт-Петербург, провозглашенный в 1713 г. столицей России, а во-вторых — такие новые индустриальные центры, как Екатеринбург. Первые дома строились здесь по типу фахверков.

В других населенных пунктах возведение зданий по западноевропейским образцам оказывалось невозможным в первую очередь из-за нехватки средств. Строительство из дерева было не только дешевле, но и быстрее. Характерно, что новые архитектурные стили и технологии строительства попадали и в другие регионы страны, но, как правило, при постройке административных зданий не воспроизводились полностью.

Внутреннее убранство Сибирского обер-бергамта также охарактеризовано с большой долей точности. «Судейская камора» была обставлена в соответствии с требованиями, изложенными в XXIII главе Генерального регламента [Генеральный регламент, с. 110–111]. Стены комнаты были обиты холстом и вымазаны известью. В красном углу находилась икона с изображением Иисуса Христа. Перед ней стояла небольшая жестяная лампада. Кроме того, на стенах были развешаны портрет Екатерины I и пять планов уральских рудников и заводов. В отдельном жестяном ящике хранились печати, образцы выплавки и пробы горных пород с рудников, находившихся в ведении Обер-бергамта, и ряд других ценных предметов.

Кроме того, в каморе стояли три стола, покрытых красным сукном, и два налая, на которых также лежали отрезки красной сурьмы. По-видимому, один стол использовался для заседаний членов присутствия, а за двумя другими располагались секретарь учреждения и один из протоколистов, который исполнял обязанности нотариуса. Налои использовались по необходимости: для чтения

больших книг и, возможно, для анализа образцов горных пород. Члены присутствия сидели на стульях, шесть из которых были обиты кожей. Самые важные указы и чертежи хранились в шкафу, закрывавшемся на внутренний замок. На столах стояли два медных колокольчика и пять чернильниц: две оловянные и три жестяные. Кроме того, в комнате имелись часы с боем и трехгранное зеркало [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, т. 1, л. 20–21 об.].

Почти так же хорошо была обставлена камора «обер-бергамтского повытья». В комнате стояло три стола, один из которых был обит кожей. При каждом столе имелся закрывавшийся на замок ящик. В повытье также разместились восемь простых стульев, имелись письменные и чертежные принадлежности. Как и в судейской, в красном углу каморы находилась икона с изображением Спасителя. Кроме того, в приказном повытье располагалось пять солнечных часов — «кругов с разделением часом» [Там же, л. 21 об.–22, 24].

Камора, в которой размещались шесть повытий: горное, земское, судных и розыскных дел, заводское, лесное и крепостное, — по-видимому, была самой большой и «густонаселенной». В ней находились четыре стола с закрывающимися ящиками и четыре простых малых стола, один из которых был покрыт красным сукном и тоже имел ящик. Здесь также лежали писчие принадлежности и шесть «щетных досок», стояло 26 стульев и пять шкафов с железными накладками «для держания дел», два сундука и 19 обитых железом ящиков [Там же, л. 22–22 об.].

В красном углу казенной каморы имелся образ «Ангела-Хранителя», написанный на жести. В каморе располагалось пять деревянных столов, один из которых был покрыт красным сукном. Кроме того, на него было помещено «зерцало на доске». Помимо этого, в комнате имелись одна жестяная чернильница и другие канцелярские принадлежности, три экземпляра деревянных счетов и одни счета «двойные». У столов стояли семь деревянных стульев и три скамьи. В помещении также было два шкафа и многообразные сундуки с замками (один двойной, два дубовых и два простых), два окованных ящика [Там же, л. 22 об.–23].

Счетное повытье было обставлено примерно таким же образом, как и два предыдущих. Правда, в отличие от казенной каморы, здесь не имелось иконы [Там же, л. 23]. «Прихожая полата» была оборудована одним столом, двумя скамьями и двумя сундуками. Все комнаты освещались подсвечниками — шандалами, выполненными из разных материалов: семь шандалов были сделаны из меди, 33 — из железа, четыре — из жести, восемь — из чугуна. К шандалам прилагались железные щипцы в количестве 47 штук [Там же, л. 24].

В целом обстановка помещений, в которых трудились делопроизводители, также соответствовала требованиям Генерального регламента. Сопоставление количества столов и стульев и наличного числа делопроизводителей показывает, что далеко не все канцелярские служители имели индивидуальные рабочие места. В большинстве случаев они были вынуждены сидеть по несколько человек за одним столом. Лишь руководители повытий могли получить отдельные рабочие места. Их столы, в отличие от остальных, были крыты красным сукном.

Следует предположить, что в большинстве случаев требования Регламента к внутреннему убранству центральных и региональных учреждений во многом совпадали с обстановкой канцелярий, сложившейся еще в XVII в. [Полунина, с. 19–20; Плоткин, с. 275]. Это утверждение подкрепляют и описания Ю. В. Готье, который сравнил оснащенность помещений канцелярий XVIII в. с убранством московских приказов предыдущего столетия [Готье, с. 170]. Отличия были незначительны. Например, если раньше стены и потолки приказных учреждений расписывались или обтягивались предварительно обработанным левкасом полотном, на которое могла наноситься роспись, то теперь на стенах судейской каморы была лишь беленая известью обивка [Полунина, с. 17, 19; Плоткин, с. 275]. Кроме того, в «новых» учреждениях имелись часы. Во всех каморах также находились зеркала с указами, напоминавшими о недопустимости совершения должностных преступлений.

В соответствии с традициями московского приказного управления в красных углах судейской каморы и помещениях, где работали делопроизводители, были размещены иконы. Как и зеркала, они предостерегали членов присутствия и канцелярских служителей от неблагоприятных поступков. Изучение обстановки Сибирского обер-бергамта позволяет говорить о том, что количество церковных образов в учреждении было скромным (в описи зафиксировано всего три иконописных образа). Это отличало горное ведомство от других органов суда и управления, функционировавших в 1720-х — начале 1740-х гг.

В частности, в сдаточной описи Тюменской судебной канцелярии 1727 г. значится пять икон: «образ Воскресение Христова Бога нашего без оклада да образ Знамения Пресвятыя Богородицы, да образ Владимирской Богородицы, венец, и гривна, и поля медные под золотом, образ Николая Чудотворца, образ Спасителей без окладов». Здесь также имелись одно зеркало, один крытый красным сукном стол и писцовые принадлежности [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 4917, л. 4].

Сдаточная опись Сургутской воеводской канцелярии 1741 г. также упоминает пять икон: «образ Всемилостивого Спаса на доске без оклада», а также «образы, взятые по указу за начетные казенные денги у Афанасья Лущенинова соборными ево пожитками, а имянно: образ на полотне в рамках Пресвятыя Богородицы, образ Спасителей да Иоанна Воиственника, над тою два венца сребренныя под золотом, образ на доске Петра, Алексея, Ионы и Филиппа Московских чудотворцев, оклад на полях и четыре венца сребренныя под золотом, образ на доске Прокопия, Иоанна, Устюжских чудотворцов, оклад на полях и три венца, в том числе два з гривнами сребренныя под золотом». Кроме того, в воеводской канцелярии находился ящик с ключами от города и складов, судейский стол «под красным сукном одинцовым», а также два настольных зеркала, «наклеенных на доске письменных» «за руками губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского да вице-губернатора Александра Петрова-Соловова» и бывшего руководителя Тобольского надворного суда князя С. М. Козловского [РГАДА, ф. 800, оп. 1, д. 29, л. 1–2].

Судя по реконструкциям, не менее представительные иконостасы имели канцелярии других региональных органов власти [Полунина, с. 20]. Несмотря на скромное внутренне убранство, они обладали более богатым набором икон по сравнению с Сибирским обер-бергамтом.

Несмотря на то, что канцелярия Обер-бергамта в наибольшей степени соответствовала образцам, установленным Генеральным регламентом, она не могла вместить всего количества делопроизводителей, требовавшихся для исправного функционирования горнозаводской администрации. По подсчетам Э. А. Пензина, общее количество служащих Обер-бергамта после корректировки штатов 1729 г. составляло 82 человека [Пензин, с. 117]. Изучение реестра делопроизводителей, работавших в Сибирском обер-бергамте в июне 1729 г. показывает, что должности работников канцелярии были заняты лишь на 54 % [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 186, л. 112]. Возможно, это было связано с отсутствием полноценных рабочих мест для их размещения. Не случайно по черновикам журналов регистрации рабочего времени Сибирского обер-бергамта за 1731 и 1733 гг. можно реконструировать деятельность 58 и 48 канцелярских служащих соответственно [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 310].

С большой долей вероятности можно предположить, что часть делопроизводителей размещалась в других, менее приспособленных для писчей работы помещениях. Части канцелярских служащих следовало находиться при фабриках и складах. Они занимались регистрацией припасов, сырья и готовой продукции, фиксировали выполнение работ приписными крестьянами.

Таким образом, хотя канцелярия Сибирского обер-бергамта, как и сам завод-крепость, была выстроена «на скорую руку», она стала «идеальным» сооружением — средством репрезентации власти в регионе. Отсутствие элементов декора и фахверкная технология постройки отличали здание канцелярии от прочих, выстроенных до конца 1710-х гг. административных сооружений на местах. Среди помещений Сибирского обер-бергамта наиболее соответствовали установленным Петром I стандартам «судейская камора» и камора «обер-бергамтского поветья». Здесь чаще всего находились члены присутствия и происходил прием просителей. Пример устройства канцелярии Сибирского обер-бергамта показывает, как происходило укоренение нового образа имперской, ориентированной на западные образцы власти на местах. Этот процесс не был скорым и не завершился как к моменту смерти первого российского императора, так и в последующее десятилетие.

Источники

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII веков / сост. А. В. Антонов : в 3 т. М. : Древлехранилище, 2002. Т. 3.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 186; 310; 450. Т. 1.

ГАТО — Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4917.

Генеральный регламент. 27 февраля 1720 г. // Законодательство Петра I / В. М. Клеандрова и др. М. : Юрид. литература, 1997. С. 99–124.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года : в 33 т. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 8.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29.

Исследования

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012.

Бакланова Н. А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды Государственного Исторического музея. М. : Изд. Гос. Исторического музея, 1926. Вып. 3 : Разряд общий исторический. С. 53–100.

Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия : учеб. пособие. Новосибирск : НГАЭиУ, 2003.

Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в 2 т. М. : Императорское о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. Т. 1.

Дом воеводы в Соликамске // Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья : крат. энцикл. слов. / сост. Н. В. Казаринова, Г. Д. Канторович. Пермь : Кн. мир, 2003. С. 43–46.

Емелина О. В., Изотова Л. Е. Приказная палата в Пскове. История строительства. Реставрация // Псков. 2011. № 34. С. 10–24.

Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII — XVIII в. Новосибирск : Наука, 1979.

Луттов С. П. История строительства и застройки Петербурга в первой четверти XVIII века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957.

Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Панченко К. И., Яганов А. В. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96–113. <https://doi.org/10.31857/S086960630010947-0>

Масиель Санчес Л. К. Архитектурное освоение Сибири в начале XVIII в. // Архитектурное наследие / под ред. И. А. Бондаренко. М. ; СПб. : Коло, 2014. С. 144–160.

Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М. : Памятники исторической мысли, 2007.

Пензин Э. А. Сибирский обер-бергамт — орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение : сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Васильковский. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 104–121.

Писарькова Л. Н. Чиновник на службе в конце XVII — середине XIX века // Отечественные записки. 2004. № 2. URL: <https://strana-oz.ru/2004/2/chinovnik-na-sluzhbe-v-konce-xvii---seredine-xix-veka> (дата обращения: 28.05.2022).

Плоткин К. М. Псковская Приказная палата XVII века (проблема воссоздания интерьера и музеефикации памятника) // Древний Псков: История. Искусство. Археология: Новые исследования : сб. ст. / сост. С. В. Ямщиков. Псков : Изобразительное искусство, 1988. С. 269–278.

Полунина Н. М. У истоков каменного града. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979.

Самырова А. Ю. Особенности возведения каменных гражданских зданий — памятников архитектуры начала XX века на вечной мерзлоте // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 10. С. 48–49.

Спегальский Ю. П. Псков. 2-е изд., доп. Л. : Искусство, 1978.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. London : Yale Univ. Press, 2000.

References

- Akel'ev, E. V. (2012). *Povsednevnaia zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Everyday Life of the Thieves' World of Moscow in the Days of Vanka Kain]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Baklanova, N. A. (1926). Obstanovka moskovskikh prikazov v XVII v. [The Furniture of Moscow Prikazes in the 17th Century]. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia* (Iss. 3, pp. 53–100). Moscow: Izd. Gos. Istoricheskogo muzeia.
- Balakireva, L. M. (2003). *Sudebnaia reforma Petra I: Iustits-kollegiia: uchebnoe posobie* [Judicial Reform of Peter I: Justice Collegium: A Reference Book]. Novosibirsk: NGAiU.
- Borodina, E. V. (2012). *Sudebnaia reforma Petra I na Urale i v Zapadnoi Sibiri* [Judicial Reform of Peter I in the Urals and Western Siberia]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii.
- Dom voevody v Solikamske [Voevoda's House in Solikamsk] (2003). In N. V. Kazarinova, & G. D. Kantorovich (Eds.), *Arkhitektory i arkhitekturnye pamiatniki Permskogo Prikam'ia: kratkii entsiklopedicheskii slovar'* [Architects and Architectural Monuments of the Perm Kama Region: Brief Encyclopedic Dictionary] (pp. 43–46). Perm: Knizhnyi mir.
- Emelina, O. V., & Izotova, L. E. (2011). Prikaznaia palata v Pskove. Istoriiia stroitel'stva. Restavratsiia [The Prikaz Chamber in Pskov. History of Building. Reconstruction]. *Pskov*, 34, 10–24.
- Gauthier, Iou. V. (1913). *Istoriiia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra I do Ekateriny II* [History of Regional Government in Russia from Peter I to Catherine II] (Vol. 1). Moscow: Imperatorskoe o-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te.
- Hughes, L. (2000). *Russia in the Age of Peter the Great*. London: Yale University Press.
- Kopylova, S. V. (1979). *Kamennoe stroitel'stvo v Sibiri. Konets XVII — XVIII v.* [Stone Building in Siberia. Late 17th — 18th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Luppov, S. P. (1957). *Istoriiia stroitel'stva i zaстроiki Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka* [The History of the Construction and Development of St Petersburg in the First Quarter of the 18th Century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Makarov, N. A., Koval, V. Yu., Modin, R. N., Panchenko, K. I., & Yaganov, A. V. (2020). Novye issledovaniia v Moskovskom Kreml'e: raskopki zdaniia Prikazov [New Research in the Moscow Kremlin: Excavation of the Building of Prikazes]. *Rossiiskaia arkhologiia*, 3, 96–113. <http://dx.doi.org/10.31857/S086960630010947-0>
- Masiel Sanches, L. K. (2014). Arkhitekturnoe osvoenie Sibiri v nachale XVIII v. [Architectural Development of Siberia in the Early 18th Century]. In I. A. Bondarenko (Ed.), *Arkhitekturnoe nasledie* [Architectural Heritage] (pp. 144–160). Moscow; St Petersburg: Kolo.
- Novokhatko, O. V. (2007). *Razriad v 185 godu* [Razryad in 185]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Penzin, E. A. (1986). Sibirskii ober-bergamt — organ upravleniia gornozavodskoi promyshlennost'iu Urala v pervoi polovine XVIII v. [Siberian Oberbergamt as the Governing Body of the Mining Industry of the Urals in the First Half of the 18th Century]. In O. A. Vas'kovsky (Ed.), *Problemy genezisa i razvitiia kapitalizma na Urale: Istoriiia, istoriografiia, istochnikovedenie: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of the Genesis and Development of Capitalism in the Urals: History, Historiography, Source Studies: Collection of Scholarly Papers] (pp. 104–121). Sverdlovsk: USU.
- Pisar'kova, L. N. (2004). Chinovnik na sluzhbe v kontse XVII — seredine XIX veka [An Official in the Service in the Late 17th — Mid-19th Centuries]. *Otechestvennye zapiski*, 2. Retrieved from <https://strana-oz.ru/2004/2/chinovnik-na-sluzhbe-v-konce-xvii---seredine-xix-veka>
- Plotkin, K. M. (1988). Pskovskaia Prikaznaia palata XVII veka (problema vossozdaniia inter'erov i muzeifikatsii pamiatnika) [Pskov Prikaz Chamber of the 17th Century (the Problem of Recreating the Interiors and Museumification of a Monument)]. In S. V. Yamshchikov (Ed.), *Drevnii Pskov: Istoriiia. Iskusstvo. Arkhologiia: Novye issledovaniia: sbornik statei* [Ancient Pskov: History. Art. Archaeology: New Research: Collection of Papers] (pp. 269–278). Pskov: Izobrazitel'noe iskusstvo.

Polunina, N. M. (1979). *U istokov kamennogo grada* [At the Origins of the Stone City]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Samyrova, A. Yu. (2012). Osobennosti vozvedeniia kamennykh grazhdanskikh zdaniy – pamiatnikov arkhitektury nachala XX veka na vechnoi merzlotte [Peculiarities of the Construction of Stone Civil Buildings – Architectural Monuments of the Early 20th Century on Permafrost]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 10, 48–49.

Spegal'sky, Yu. P. (1978). *Pskov* (2nd ed.). Leningrad: Iskusstvo.

Бородина Елена Васильевна

кандидат исторических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: e.v.borodina@urfu.ru

Borodina, Elena Vasilievna

PhD (History), Associate Professor
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia
Email: e.v.borodina@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8128-5698>
Scopus AuthorID: 57219272606
WoS ResearcherID: AAB-5790-2020